

## **Отзыв**

официального оппонента о диссертации

**Пожарова Алексея Игоревича**

**«Трансформации христианского эсхатологического мифа**

**в современном медиакультурном пространстве»,**

представленной на соискание ученой степени

кандидата культурологии

по специальности 24.00.01 — теория и история культуры

Диссертационное исследование А.И.Пожарова посвящено теме, в высшей степени актуальной для современной культурологии, поскольку даже не вооруженным научным исследованием взглядом можно увидеть, что эсхатологическая проблематика и эсхатологическое настроение крайне существенны в современном мире, а теоретическое их осмысление является важной задачей теории современной культуры.

Хотя, таким образом, и согласно самому названию диссертации, основной проблемой является анализ современной ситуации в культуре, причем именно в том измерении, в каком она предстает в медиасфере, то есть сфере массовых коммуникаций и массового вещания, тем не менее, производимый анализ начинается с глубокой древности. Автор исследует само понятие эсхатологии, прослеживает историю развития эсхатологического мифа, начиная от древнейших времен и по направлению к христианству.

Первая глава диссертации очень подробно описывает основные моменты эсхатологического мифа и его модификации в иудео-христианской традиции. Рассмотрение начинается с праиндоевропейских корней, далее как важная веха акцентируется зороастрийская эсхатология, существенность идеи борьбы сил добра и зла, а также идеи воздаяния для эсхатологии. Подробно разбирается, на основе текстов Ветхого и Нового Заветов, эсхатологическая проблематика иудаизма и христианства. Показывается специфика эсхатологических ожиданий в данных религиях. Этот анализ представляется очень ценным, поскольку характеризуются и классифицируются множественные упоминания так или иначе связанных с эсхатологическим ожиданием событий, а также возникающие в связи с ними образные и метафорические ряды. Все они приводятся в соответствие и разделяются на группы, достаточно отчетливо выражающие эсхатологическую мысль.



Также производится разделение трех культурных типов по значимости эсхатологической идеи в них. Первый – игнорирующий эсхатологическую идею. В качестве примера автор называет люмпенизированную прослойку современной культуры, то есть, фактически, массу, равнодушную к каким-либо размышлениям и переживаниям. Второй – тот, где эсхатология присутствует латентно. Примером служат циклически мыслящие мифологически ориентированные древние культуры. Третий – культуры с ярко выраженными эсхатологическими ожиданиями.

Вторая глава диссертации обращается к анализу современной культуры, беря за основу материал популярной литературы и кинематографа, который действительно насыщен эсхатологическими сюжетами. Что свидетельствует о том, что современная культура относится к третьему типу, причем даже на уровне массового сознания. Кроме того, современная культура является продолжением развития традиции европейской культуры, то есть культуры христианской, с сильным влиянием иудаизма, поэтому иудео-христианские ожидания могут быть сразу охарактеризованы как составляющие фундамент современности. В некотором смысле современная культура может быть понята как итог развития христианского проекта – именно в силу того, что христианство в качестве церкви и религия вообще утрачивает в ней свое обычное положение и начинается этап секуляризации. Что само по себе, с точки зрения религиозной эсхатологии, может быть рассмотрено как конец, завершение, «последние времена». То есть, можно сказать, что современная культура предельно эсхатологична, она мыслит себя как завершающий этап – что присутствует в ее философском осмыслении с тех пор, как сознание истории заставляет европейского человека видеть себя вовлеченным в исторический процесс, называя себя новым по отношению к старому, вводя термины: новое время, модерн и, наконец, постмодерн. При этом развивающаяся философия истории буквально начинается с утверждения о «конце истории», выдвинутого еще в начале XIX в. в «Философии истории» Гегеля. С тех пор эта мысль становится все более настойчивой и разрастающейся до огромных масштабов в своем влиянии. То есть современная культура в ее рефлексии о самой себе предстает исключительно как конец, заключительный этап, после которого не ждет уже ничего – в положительном или в отрицательном смысле.

Это настроение пронизывает и массовую культуру, и ее художественные продукты. Автор обращается к ряду произведений, которые достаточно



подробно анализирует, выявляя в них эсхатологические сюжеты, группируя и классифицируя, а также приводя в соответствие с эсхатологическими сюжетами библейского текста. Особенно любопытным выглядит весьма пространный анализ истории о Гарри Поттере с точки зрения эсхатологии, где основные моменты повествования и образы соотнесены с конкретными стихами из Нового Завета, что представляет собой вполне оригинальную и плодотворную интерпретацию данной книги, превращающей ее из детской сказки в арену проявления глубоких смыслов и архетипов, что объясняет, в том числе, ее массовый успех. Также анализируется ряд фильмов, сериалов и компьютерных игр, связанных с разными видами апокалиптических ожиданий. Показывается, что эти ожидания могут быть классифицированы как ожидания конца мира, вызванного техногенным фактором (научные достижения, приводящие к непредвиденным последствиям), природной катастрофой внутриземного характера (землетрясение, наводнение), или же катастрофой космического характера (столкновение земли с другим космическим объектом), инопланетным вторжением, эпидемией, и т.п. Из этого делается вывод, что апокалиптические ожидания и эсхатология современной культуры имеет секуляризированный характер и не связана с идеей Бога. В связи с чем автор говорит о ее симулятивном характере, поскольку она опирается, вплоть до конкретных образов, а также структуры пророчеств и структуры ожидания, на религиозные источники, однако устраняет ту самую сердцевину, которая делала эти пророчества и сам по себе конец мира значимым. В связи с этим наиболее характерное проявление современной эсхатологии автор обнаруживает не в героической апокалиптике фильмов-катастроф, которые обязательно предполагают возможность спасения человечества неким новым «мессией», «избранным», совершающим сверхчеловеческое усилие и приводящим мир в спасенное состояние (предотвращение космической угрозы, победа над эпидемией, изгнание инопланетян и т.п.), но в структуре сюжета «зомби-апокалипсисов», которые не предполагают возможности подобного спасения. Здесь герои оказываются в ситуации, где единственное, что они могут делать – это выживать в новых условиях, избегать того, чтобы превратиться в зомби. Спасение не приходит и невозможно, ибо мир зомби, тел без души, ходячих мертвецов – это мир без Бога, который мог бы спасти. В некотором смысле именно зомби-апокалипсис являет собой характеристику главного страха опустошенной современной культуры, выражение ее симулятивности, предел критики



одномерного общества потребления. Можно предположить, что зомби – и есть художественное представление той самой «люмпенизированной» прослойки, которая неспособна мыслить и не обладает эсхатологическими ожиданиями. То есть здесь мы видим прямое выражение страха современной культуры перед тем, что автор отмечает в качестве распространившегося термина «зомбирование». И этот страх, исходя из самой популярности сюжетов о зомби, является, вероятно, существенной чертой самого массового сознания, которое в этом страхе и подвергается критике. То есть это может быть проинтерпретировано как рефлексия массового сознания над самим собой, выраженная в страхе скатывания в состояние зомби, ужас перед возможностью конца человеческого в утратившем духовное измерение мире. То есть зомби-апокалипсис – это не просто симулятивный вариант современного эсхатологического мышления, но предельная самокритика секуляризированной массовой культуры, которая, быть может, и является зерном спасения, потому что сталкивает ее с тем, что еще, при тотальном господстве потребления и материальных структур современного общества, остается собственно человеческим – с самой смертью, идеей конца, прекращения обладающего душой, сознанием и волей субъекта.

И здесь мы вынуждены перейти к характеристике недостатков диссертационного исследования. Начиная как раз с приведенного выше тезиса, содержащего в себе предположение относительно смысла и значимости идеи зомби-апокалипсисов в современной массовой культуре. Мы высказали предположение об этой значимости, опирающееся отчасти на концепцию Ж.Бодрийяра, который вводит понятие симуляции по отношению к современной культуре. В книге «Символический обмен и смерть», которая присутствует в списке литературы к диссертации, Бодрийяр говорит о смерти как о последней «ценности» товарного мира, удерживающей мир в постоянном процессе самовозрождения из катастрофы. Для Бодрийяра тема катастрофы, конца мира, апокалипсиса, является крайне существенной, а апокалиптические настроения современности он связывает с тем, что переживание смерти как некая основа духовного опыта было современной культурой вытеснено за свои пределы. То есть обращение к теории Бодрийяра было бы крайне существенным для данной диссертации в качестве базы, причем можно было бы с ней согласиться или ее оспорить, но главное, учесть, так как это придало бы объемность и глубину выводам диссертации. То, что наработано в данной теории, могло бы быть использовано для



интерпретации избранных сюжетов, раз уж такая теория была создана, а автор даже пользуется термином «симулякр» и указывает Бодрийера в списке литературы. Однако, увы, обращения к данной теории в тексте диссертации нет, за исключением одной ссылки, а сам по себе вывод из того же изложения проблематики зомби-апокалипсисов – а именно то, что они являют собой попытку современности рассмотреть вариант апокалипсиса без Бога – представляется довольно бедным и не обладающим большой плодотворностью, если эта идея не получает развития.

Собственно, концепция Бодрийера была приведена здесь в качестве примера, можно было бы обратиться и ко множеству других концепций. Удивляет почти полное отсутствие в диссертации, в главе, посвященной современности, опоры на богатейшую базу теорий современной культуры, которыми буквально наполнено современное философское мышление, поскольку вся философия, культурология, все гуманитарное знание хоть сколь-либо обобщающего характера превращается в современных условиях в теорию современной культуры. В целом, конечно, радует самостоятельность автора, его способность к собственным выводам, к тому, чтобы не опираться на авторитеты и создавать свою собственную концепцию, свои собственные интерпретации, показывая притом (в списке литературы, а также в скупых цитатах), что он в целом осведомлен относительно происходящего. Но в некоторых случаях кажется, что изобретается велосипед, а очень часто выходит так, что вывод автора просто слишком беден по отношению к тем, которые можно было бы сделать, обратившись к теоретическим наработкам.

Очень жаль также, что, несмотря на большую долю интерпретации кинематографического материала, в диссертации, практически не учитываются теории и методы семиотики кино, почти нет литературы по проблеме кинематографа, и при интерпретациях фильмов автор не опирается на уже существующие интерпретации подобных сюжетов, весьма распространенные в современных исследованиях. Например, вызывает огромное удивление отсутствие даже в списке литературы, скажем, работ С.Жижека, который очень много внимания посвящает этой проблеме. Как бы автор ни относился к нему как к философу и теоретику, желательно бы было знать его метод и соотносить свои наработки с существованием этого подхода к современному киноискусству. Многие апокалиптические сюжеты современной массовой культуры многократно интерпретировались Жижеком в его книгах и видеолекциях.



Однако действительно, даже если взглянуть на пункт «степень разработанности темы», то мы видим, что автор уделяет внимание разработанности темы в области иудео-христианской традиции, но совершенно обходит стороной теории современной культуры, теории кино, теории массового искусства и т.п. А ведь они не только могли дать материал и составить базис исследования, но и сами могли бы стать предметом анализа как содержащие в себе эсхатологические настроения. Например та же теория Бодрийяра является отчетливо эсхатологической.

Также возникают некоторые замечания по интерпретациям, которые, опять же, связаны с тем, что автор, как представляется, недостаточно глубоко вникает в сложность современной культуры, являющейся итогом развития длительной традиции, содержащей в себе массу конфликтов и противоречий. Именно в связи с этим и теория современной культуры так сложна. Простая культура не может иметь такой сложной, неоднозначной теории. Автор же диссертации относится к ней, кажется, просто пессимистически и видит в ней только упрощение былых, сложных форм, связанных с духовным, божественным элементом апокалиптики. Словом, концепцию современной культуры как симуляции он принимает слишком легко на веру.

Из интерпретационных несогласий приведу одно. Рассуждая о структуре сюжета такого произведения как «Песнь льда и пламени» Дж.Мартина и, соответственно, сериала «Игра престолов», автор отмечает, что здесь есть отчетливый мифологический сюжет, связанный с присутствием и вторжением мистических сил, что здесь есть некоторая идея циклических повторений и явная отсылка к средневековому антуражу. Негативным моментом оказывается «подчеркнутая, нелогичная, бессмысленная жестокость», поскольку в данном произведении регулярно умирают любые персонажи, даже кажущиеся главными. Автор отмечает мрачность произведения, а в этой бессмысленной жестокости видит одну из причин его успеха. Однако в целом эта трактовка является удивительной, и упускающей основные цели и мотивы данного художественного текста. Ведь текст действительно является эсхатологическим ожиданием по структуре своей, постоянно отсылая к надежде на некую победу, выраженную в восседании на трон возможного грядущего избранника где-то там, в конце, так что зрители и читатели надеются на этого избранника, обладающего сверхспособностями, олицетворяющего победу сил добра. Дискуссии в сети и намеки автора указывают на знаки, символы, пророчества, связанные с этой фигурой,



оказывающейся необычной, отмеченной какими-то мессианскими чертами. Однако напряженность повествования состоит в том, что его структура не является мифологической, но исторической – что вполне соответствует структуре иудео-христианской эсхатологии. И в этой исторической перспективе мы сталкиваемся только с реальными людьми, во всей их слабости, и с реальной политической игрой. Ожидать, что мы сразу определили бы мессианского персонажа и он бы выступал героем, за которого, а также за его помощников, мы были бы спокойны вне зависимости от испытаний – значило бы изменять самой идее истории и также христианской идее боговоплощения, где Бог становится человеком во всей его человеческой смертной природе, то есть входит в человеческую историю как Святой дух. В этом смысле именно исторический характер повествования, именно непредсказуемость событий и смертей, жестокость происходящего, «как в жизни», а не «как в сказке», придает повествованию духовный смысл и большую интенсивность. И возможно именно в этой духовной идее, связанной с христианским мессианством, историческим разворачиванием событий, содержится секрет привлекательности произведения. При этом мы не можем быть убеждены, что добро победит, мессия придет и завершение не окажется зомби-апокалипсисом. Что не может не будоражить сознания, ведь происходящее так же непредсказуемо, как течение грешной жизни, но в то же время наполнено зыбкими пророчествами и смутными ожиданиями «новой земли и нового неба». Таким образом, мы не имеем здесь мира без Бога несмотря даже на то, что как таковой он отчетливо не называется и не описывается. И это можно отнести, соответственно, к характеристике всей современной культуры, что противоречит выводам автора диссертации.

Однако несмотря на отмеченные недостатки, вызывающие желание дискутировать, несмотря на явное проседание теоретической базы во второй части, следует сказать, что диссертация представляет собой очень живой текст, приятный для чтения, полный очень интересной информации, даже увлекательный. Эсхатологическая проблематика хорошо систематизирована и классифицирована, и сама работа по ее систематизации уже может быть оценена как крайне важная. Также следует сказать, что поднимаемая проблема и высказываемые идеи крайне важны и могут быть предметом для обсуждения и дальнейшего развития. Также важно отметить безусловную

самостоятельность автора и смелость его рассуждений, хотя общий характер работы является скорее описательным.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации и написан очень четко и ясно, публикации в рецензируемых научных журналах также отражают содержание исследования. Таким образом, диссертация «Трансформации христианского эсхатологического мифа в современном медиакультурном пространстве» является научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата культурологии, а ее автор, Пожаров Алексей Игоревич, достоин присуждения искомой степени по специальности 24.00.01 — теория и история культуры.

Официальный оппонент

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

С.Б.Никонова

31.03.2016

НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов»  
192238, Санкт-Петербург, ул.Фучика, д.15  
Тел.: 269-19-36, 327-27-28  
e-mail: info@gup.ru

